

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

184

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

119

КАФЕДРА НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

люди
и традиции

АЛ. А. ГРОМЫКО*

МОЯ «МАЛАЯ» АЛЬМА-МАТЕР

Еще учась в школе, я был покорен красотой высотки – главного корпуса Московского государственного университета на Ленинских горах. До сих пор считаю ее наиболее изящной и гармоничной из «семи сестер». Тогда же всерьез увлекся историей, которая стала моим любимым предметом. Несмотря на вполне понятные ожидания старших членов семьи в отношении поступления в МГИМО, принял решение, что буду пытаться счастье и сдавать экзамены на исторический факультет МГУ. Надо сказать, что советовался и с дедом, Андреем Андреевичем, тогда уже председателем президиума Верховного совета СССР. Получил от него понимание, ведь история была для него второй натурой после дипломатии. Кроме того, МГУ был для него особым местом, ведь именно диссертационный совет университета Ломоносова присудил ему в феврале 1956 г. степень доктора экономических наук, ровно за год до назначения на должность министра иностранных дел СССР. Решение, которое я принял тогда, в середине 80-х, во многом определило всю дальнейшую жизнь.

Первые два года обучения я не имел четкого представления о том, какую специализацию выбрать. Захлестывали текущие занятия, темп и объемы учебы, не сопоставимые со школьными, бурные события в стране, два года службы в армии, куда нас забрали после первого курса по так называемому «горбачевскому призыву». В университете мы изучали историю. И одновременно история страны, а вместе с ней и мира, творилась на наших глазах, но воспринималась как часть нашей собственной жизни. То была история крушения страны и многих привычных представлений о мире, но молодость была превыше всего.

Когда же стал заботиться о выборе кафедры, то поначалу увлекся идеей изучения Испании и испаноязычного мира. Но достаточно

---

* Алексей Анатольевич Громыко – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН.

быстро, это получилось как-то само собой, решил стать англоведом. В какой-то степени сказалось то, что и отец, и дед в разные времена работали в советском посольстве в Лондоне, а также массовое увлечение в перестроечном СССР фигурой Маргарет Тэтчер. В общем, кафедра новой и новейшей истории под руководством профессора Евгения Федоровича Язькова оказалась моей «малой» альма-матер.

Надо сказать, что исторический факультет в целом был и остается местом для получения фундаментального образования. Как сейчас помню традиционную и самую первую для первокурсников лекцию академика Б. А. Рыбакова, это было захватывающее зрелище. В этом заключалась и вся классность истфака, его интеллектуальность, достаточное свободомыслие, демократичность – обитатель научного Олимпа общается как бы на равных с юнцами.

Те, кто хотел и был готов поглощать большой объем информации, получили за пять лет учебы хорошее представление о потоке истории с древних времен до наших дней, ее быстрых и медленных ритмах, о том, как она выглядит в микроскоп и в подзорную трубу, о ее полицентризме, хотя тогда этот термин не употреблялся. Скажу точно, что узколобого европеизма нам не прививали, хотя, конечно, европейская история является львиной долей истории российской. Истфак был местом знакомства действительно с историей мира. Преподавание в целом велось так, что в остатке были не только, а, может быть, и не столько тысячи фактов и их интерпретаций, а наработка способности к поглощению материалов большого охвата и его анализ. Нас буквально заставляли не столько заучивать, сколько учиться мыслить. На том или другом экзамене хуже было не продемонстрировать способность размышлять, чем метко привести несколько цифр без понимания более широкой картины.

Кафедра новой и новейшей истории стала для меня обрамлением истфака, местом, где после «первичной обработки» на общих потоках первых двух курсов желающие могли превращаться в молодых специалистов, доводить до ума и отшлифовывать свои навыки в познании истории. А это требовало большого труда. Именно с началом специализации я по-настоящему почувствовал вкус к учебе, начал получать от нее истинное удовольствие. У нас было много талантливых ребят, соревноваться в учебе с которыми было азартно. Конечно, не меньше зависело от преподавателей. Почти не помню лекций, семинаров или спецкурсов, которыми бы я тяготился и изнывал в ожидании звонка.

Напротив, как правило, было жалко, что время занятий заканчивалось. Формировалось и ощущение «цеха», принадлежности к определенному кругу людей, выходцев с истфака. Затем по жизни не раз ловил себя на мысли, что при знакомстве с теми или иными выпускниками МГУ разных лет, тем более, если речь шла о нашей кафедре, воспринимал его или ее как «своего человека».

Учеба на кафедре дала бесценное понимание того, что история не прямолинейна, не однозначна, что мир не черно-белый, что из истории нельзя «выпрыгнуть», т.е. судить о ней с высоты сегодняшнего дня. Напротив, в историю любого периода надо научиться «погружаться», попытаться понять мировоззрение и восприятие мира людей прошлого. Впрочем, это относилось и к навыкам изучения современности, например, английской, французской или германской. А значит, надо хорошо владеть иностранными языками, обильно читать иностранную прессу и специализированную литературу.

Итак, моей стезей стала английская история. Прошло уже много лет, но со временем только еще больше утверждаюсь во мнении, что лучших преподавателей нам сложно было представить. Это касалось не только их познаний и искусного преподавания. Не менее важно было то, какими людьми они были. А большинство являли собой представителей русской интеллигенции, русской университетской профессуры, что несравнимо ценнее, чем категория просто интеллектуалов. Последних намного больше, чем людей не только умных, но достойных, с которых хотелось бы брать пример. Вообще большинство выходцев с истфака, по крайней мере, те, кто оказывался в моем поле зрения и профессионального интереса позже, подтверждали первые впечатления студенческих лет. На каких бы постах и в каких бы профессиях они не оказывались, то были порядочные люди. Кафедра новой и новейшей истории и истфак в целом обладают еще одной удивительной особенностью – магнетизмом. Сколько примеров того, как тот, кого жизнь забрасывала в другие сферы, многим позже возвращался на факультет.

До сих пор нахожусь под впечатлением, как будто и не прошло 30 лет, от лекций Надежды Михайловны Мещеряковой. Особо запомнилось ее преподавание истории рабочего движения и политической мысли Великобритании. Это была стройность логики, четкая выстроенность фактов. Сложнейшие явления раскладывались для студента, что называется, «по полочкам». Важно отметить, что визитной карточкой нашей профессуры было доскональное знание предмета, мало кто

из лекторов на кафедре зачитывал тексты. Большинство из них сами получали удовольствие от занятий, и причина была простой – они любили свой предмет. Надежда Михайловна прививала нам и усердие в работе со сносками – важнейшей части научного аппарата. Уже потом это превратилось в прописную истину – корректно применять сноски, что требует особого навыка, и правильно их оформлять. Но ведь поначалу студентам такие «мелочи» казались неважными.

В историю Британской империи мне помог окунуться Лев Николаевич Еремин. Его спецсеминары были неспешными, глубокими, насыщенными и деталями, и ценными общими наблюдениями и выводами. Его амплитуда знаний впечатляла. К нам он относился снисходительно, был добр и терпелив. Его спокойное и слегка ироничное лицо и сейчас стоит у меня перед глазами, а в ушах звучит его негромкий и неторопливый голос.

Своим выбором в пользу новейшей истории Англии я обязан Сергею Александровичу Соловьеву, непревзойденному знатоку истории Британии периода Первой мировой войны, да и последующей английской социально-экономической и политической истории. Но и так сказать – значит сказать мало. Речь идет о глубоком знании всего периода новой и новейшей истории. И все же для меня Сергей Александрович был важен в первую очередь как англовед. Не исключаю, что без общения с ним мое решение после окончания университета профессионально заняться англоведением было далеко не гарантировано. Он сыграл большую роль в том, что моя дипломная работа получила высокую оценку, хотя, возможно, была чрезмерно переполнена материалом, собранным мной на пятом курсе во время стажировки в Даремском университете, который не весь был должным образом обработан. Тогда сказывалось стремление максимально наращивать знания, а не более зрелое желание от накопленного объема знаний отсекать не самое важное для оптимальной подачи материала и его доказательности.

Сознательно говорю именно об общении с Сергеем Александровичем, а далеко не только о передачи знаний в формате «лектор – учащийся». Его лекции и семинары больше напоминали изложение-разговор. Он читал легко и непринужденно, с только ему присущим звучанием голоса. Я бы даже сказал, что Соловьев не столько читал лекции, сколько рассказывал нам об очень интересных вещах, которые у другого лектора могли превратиться в что-то скучное и невыразительное, что быстро забылось бы. Именно он научил тому, что и эконо-

мическая, и политическая история могут быть не просто интересными, но захватывающими, в том числе для еще мало знающих студентов. Помимо знаний об объективных категориях производительных сил и производственных отношений, ученики Соловьева получали удовольствие от того, как он подавал историю через фигуры политических деятелей, премьер-министров, одним словом – через человеческий фактор. Все последующие годы общения с Сергеем Александровичем я всегда знал, что он найдет возможность уделить внимание, дать нужный совет, откликнется на приглашение.

Кафедра новой и новейшей истории была полна незаурядными и уникальными людьми. Среди них Олег Стефанович Сороко-Цюпа, ученый чрезвычайно разносторонний. Начав как кореист, он позже стал непревзойденным знатоком Канады, но кроме этого читал нам общие курсы по истории Европы и Америки, уделял много времени и британской истории. Помню его пронизательный и заинтересованный взгляд.

В те годы я познакомился с Василием Николаевичем Истратовым, хотя по-настоящему знакомство, а не просто общение с преподавателем, случилось многим позже. Во многом его занятия определили мои научные интересы в 90-е годы – это Лейбористская партия Великобритании, за которую я принялся после увлечения тэтчеризмом. Семинары он проводил непринужденно, был одним из самых интересных для студентов рассказчиков. Жизнь свела нас вновь с Василием Николаевичем по работе в фонде «Русский мир» году в 2009. Меня всегда привлекала разносторонность его знаний, прекрасная память, доброжелательность и редкое чувство юмора. Рад, что его таланты вновь в распоряжении кафедры. Причудливость судьбы заключалась и в том, что сам я сотрудничать с фондом стал по приглашению его основателя Вячеслава Алексеевича Никонова, выпускника истфака, трудившегося до конца 80-х годов на кафедре новой и новейшей истории. Сейчас он не только признанный крупный историк, но председатель комитета по науке и образованию Государственной Думы и декан факультета государственного управления МГУ.

Кафедра, а значит и англоведение, свели меня с Еленой Алексеевной Суслопаровой, с которой мы вместе с начала 2000-х годов участвовали в многочисленных научных дискуссиях, посвященных политической истории Британии XX века. Будучи ученицей С.А.Соловьева, она стала знатоком межвоенного периода в истории страны, особенно лей-

боризма, мастером политического портрета, в чем она пошла по стопам другого англоведа – профессора МГИМО Наталии Кирилловны Капитоновой. Со временем ее исследования и преподавание охватили все прошлое столетие. В изучении Англии связывало нас и то, что с небольшим перерывом каждый из нас получил стипендию фонда Веббов и вел исследовательскую работу в Раскин-колледже, ассоциированном при Оксфордском университете. А с фондом Веббов меня в свое время познакомил Наталья Михайловна Степанова, замечательный советский и российский историк и англовед, с кем мне посчастливилось работать в Институте сравнительной политологии РАН (бывший Институт международного рабочего движения АН СССР).

Сегодня исторический факультет уже не расположен в первом «гуме», как по традиции студенты называли первый гуманитарный корпус университета около вечного огня. Он переехал в современное просторное здание рядом с фундаментальной библиотекой МГУ. Кафедра новой и новейшей истории, как и весь факультет, продолжают свое служение науке и высшему образованию под руководством истфаковца Льва Сергеевича Белоусова, известного российского итальяниста, человека многих дарований. Несмотря на новое расположение, дух нашей кафедры сохранился, это знают те, кто учился тогда и работает или посещает ее сейчас.